

А. В. Вороховов

Предпонимание, текст и традиция в экзистенциальной герменевтике Рудольфа Бульмана

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10029

Аннотация: В статье систематизируется и анализируется осмысление феноменов «предпонимание», «текст» и «традиция» в герменевтическом проекте Рудольфа Бульмана. Демонстрируется, что герменевтика Р. Бульмана как целостное предприятие не может быть понята без этих ее составляющих. Предпонимание, с точки зрения Р. Бульмана, это акт истолкования, ведущий к пониманию, связанный с обстоятельствами жизни, которые уже сами по себе являются пониманием. Историческое понимание ведет к самопониманию через феномен экзистенциальной встречи с керигмой. Аспекты онтологической идентичности Dasein и деяний Бога в их континуальности могут быть выражены посредством концепта «предпонимание». Обретенное через интерпретацию текста посредством экзистенциальной встречи Dasein, идентично Dasein, бывшему до экзистенциального призыва текста. Таким образом, предпонимание у Р. Бульмана становится возможностью способности слышания Слова Божия до наличия веры и возможностью ее интерпретации при ее наличии. Новозаветный текст и традиция осмысливаются Р. Бульманом в русле его программы демифологизации и экзистенциальной интерпретации. Воспринимая развитие новозаветного богословия эволюционно, Р. Бульман помещает свой герменевтический проект в непрерывный поток герменевтической христианской традиции, доказывая, что тем же самым, по сути, занимались раннехристианские авторы еще во времена формирования Нового Завета.

Ключевые слова: Рудольф Бульман, герменевтика, Библия, Новый Завет, предпонимание, текст, традиция, демифологизация, протестантизм, экзистенциализм.

Об авторе: **Александр Владимирович Вороховов**

Кандидат богословия, кандидат философских наук, проректор по научной работе Нижегородской духовной православной семинарии, доцент кафедры библеистики, богословия и философии Нижегородской духовной семинарии.

E-mail: vorokhobov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6936-9971>

Ссылка на статью: Вороховов А. В. Предпонимание, текст и традиция в экзистенциальной герменевтике Рудольфа Бульмана // Христианское чтение. 2020. № 2. С. 100–108.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2020

Aleksandr V. Vorokhobov

Pre-understanding, Text and Tradition
in the Existential Hermeneutics of Rudolf Bultmann

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10029

Abstract: The article systematizes and analyzes the understanding of the phenomena “pre-understanding”, “text” and “tradition” in Rudolf Bultmann’s hermeneutic project. It is shown that R. Bultmann’s hermeneutics as an integral enterprise cannot be understood without these components. Pre-understanding, from the point of view of R. Bultmann, is an act of interpretation leading to understanding, associated with the circumstances of life, which are in themselves understanding. Historical understanding leads to self-understanding through the phenomenon of existential encounter with kerygma. Aspects of the ontological identity of Dasein and the acts of God in their continuity can be expressed through the concept of “pre-understanding”. Acquired through the interpretation of the text through an existential Dasein encounter, is identical to the Dasein that existed before the existential invocation of the text. Thus pre-understanding in R. Bultmann becomes a possibility of the ability to hear the Word of God before the presence of faith and the possibility of its interpretation if it is available. The New Testament text and tradition are interpreted by R. Bultmann in line with his program of demythologization and existential interpretation. Perceiving the development of New Testament theology evolutionarily R. Bultmann places his hermeneutic project in the continuous stream of the hermeneutical Christian tradition proving that the same, in fact, were engaged in early Christian authors at the time of the formation of the New Testament.

Keywords: Rudolf Bultmann, hermeneutics, Bible, New Testament, pre-understanding, text, tradition, demythologization, Protestantism, existentialism.

About the author: **Aleksandr Vladimirovich Vorokhobov**

Ph.D. in Theology, Ph.D. in Philosophy, Vice-Rector for Scientific Work at Nizhny Novgorod Orthodox Theological Seminary, Associate Professor at the Department of Biblical Studies, Theology and Philosophy of the Nizhny Novgorod Orthodox Theological Seminary.

E-mail: vorokhobov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6936-9971>

Article link: Vorokhobov A.V. Pre-understanding, Text and Tradition in the Existential Hermeneutics of Rudolf Bultmann. *Khristianskoye Chteniye*, 2020, no. 2, pp. 100–108.

Концепция предпонимания в герменевтике одного из наиболее значимых библеистов XX в. Р. Бульмана занимает одну из центральных позиций. Сам мыслитель не является изобретателем этой концепции, но следует традиции, представленной Ф. Шлейермахером, В. Дильтеем и М. Хайдеггером, внося в нее свой собственный вклад [Тисельтон, 2011, 181]. При этом Р. Бульман исходит из общечеловеческого опыта, где «никакое понимание не может быть свободным от предпонимания, которое имеет характер незнающего знания, дающегося вместе с *Dasein*, но пока не нашедшего предикативного развития. Это невыраженное допредикативное понимание, которое может быть определено и эксплицировано. Предпонимание распространяется на все виды человеческого опыта (любовь, дружба, смерть), а также на начало и цель *Dasein* как такового» [Вороховов, 2018, 84]. С этим сложно не согласиться, поскольку уверенность в том, что нечто обладает смыслом, предполагает нечто отчасти уже известное, наличие «некого горизонта гипотетического видения» [Реати, 2001, 60]. Р. Бульман резонно утверждает, что без предпонимания невозможно прочтение никакого вида текста (Бульман, 2004а, 230). В своей герменевтической теории он различает два вида предпонимания. Первый из них повсеместно используется и активно обсуждается; речь идет о предварительном понимании интерпретатора текста. Второй — это авторское предпонимание предмета, такой вид предпонимания, который особо важен в интерпретации Р. Бульманом библейских текстов. При этом мыслитель не называет его предпониманием и, таким образом, непосредственно не связывает эту процедуру с предпониманием интерпретатора. Р. Бульман воспринимает авторов новозаветных текстов в органической связи с контекстом их времени и окружения. Хотя личная встреча со Словом в акте керигмы и изменила кардинально их самопонимание, однако термины и понятия, доступные им, все же оставались понятиями их времени и среды. Для выражения керигмы они не создавали новый язык *ex nihilo*, но использовали термины и понятия из своего культурного окружения, которые, осмыслив, видоизменяли, чтобы передать керигму в ее отличии от религиозной и философской мысли своих современников. Новое вино керигмы как бы вливалось ими в старые мехи этих нехристианских понятий.

Эти старые мехи могут быть, согласно Р. Бульману, метафизическими спекуляциями гностиков, мифами апокалиптических движений межзаветного периода и раннего иудеохристианства, они могут быть инспирированы текстами Ветхого Завета и иудейского устного предания, а также самостоятельных традиций, развивавшихся в ранней Церкви (Bultmann, 1954, 107–109). Эти термины и понятия заимствуются авторами Нового Завета и используются иначе, чем в своем оригинальном контексте. Такой подход Р. Бульмана основывается на том, что писатели, как и все люди, способны мыслить лишь в терминах, принадлежащих их собственной интеллектуальной и духовной среде. Авторы Нового Завета, по мнению Р. Бульмана, имели предварительное понимание предмета своих письменных трудов, который не появился вместе с керигмой, но был ею видоизменен. Иначе говоря, они используют свое предпонимание, термины и понятия, с которыми они знакомы, для выражения нового понимания предмета. Сам Р. Бульман говорит об этом следующее: «Основная задача экзегезы — определить способы выражения, которые доступны для автора в рамках традиции, в которой он находится» (Bultmann, 1986, 6).

Герменевтическая процедура демифологизации новозаветного провозвестия Р. Бульмана не может быть понята должным образом без положения об авторском предпонимании. Согласно такому герменевтическому подходу, интерпретация текста предполагает признание наличия такого предпонимания у автора новозаветного текста, равно как и того, что керигма была выражена этим автором в терминах и понятиях этого предварительного понимания. Сама интерпретация текста предполагает здесь выяснение того, как авторы используют и видоизменяют старые термины и понятия. При этом толкователь является способным выяснить «внутренний смысл» керигмы и понять, как именно текст обращается к его читателю в его индивидуальной экзистенции. Р. Бульман отмечает, что христианские теоретики,

утверждающие, что отношения с Богом возможны лишь через Его Откровение и никак иначе, ошибаются. С его точки зрения, отношения человека и Бога предшествуют Откровению, и чтобы пояснить свою мысль, теолог ссылается на ставшие классикой слова блаженного Августина: «(„Ты создал нас для Себя, и беспокойно сердце наше, пока не успокоится в Тебе“). Человек заранее знает о Боге, хотя и не о Его Откровении, т. е. о Его действии во Христе. У него есть отношение к Богу в его поиске Бога, сознательном или бессознательном. Человеческую жизнь приводит в движение вопрос о Боге, потому что — сознает он это или нет — ее постоянно приводит в движение вопрос о собственном существовании. Вопрос о Боге и вопрос о себе тождественны» (Бультман, 2004а, 231). Если традиционная христианская герменевтика считает одним из своих центральных правил то, что Новый Завет должен пониматься в свете Ветхого Завета, то Р. Бультман трансформирует это требование, делая предварительным фактором понимания новозаветных текстов основные положения экзистенциальной философии.

При этом программа демифологизации Р. Бультмана не может быть сведена к признанию наличия предпонимания у автора предмета, о котором он пишет, и способа его описания, поскольку она неразрывно связана с его экзистенциальной интерпретацией Нового Завета. Таким образом, в герменевтический процесс вводится еще один элемент, который является материальным аспектом, в отличие от более формального аспекта предпонимания. Р. Бультман определяет ядро керигмы как новое человеческое самопонимание. Мыслитель исходит из того, что зафиксированное в Библии Божественное откровение обращено к человеку, а «для того, чтобы слышать это послание, человеку необходимо обнаруживать соотношенность своего существования с тем, о чем говорится. Иными словами, необходим интерпретационный принцип, позволяющий сакральной информации быть актуальной „здесь и сейчас“» [Вороховов, 2009, 73]. Любое теологическое высказывание должно соотноситься с самопониманием человека. Любой другой способ использования богословского языка не является продуктивным, потому что использует объективирующий язык, который Р. Бультман, следуя эпистемологической традиции М. Хайдеггера, находит непригодным для описания человеческого существования. «Когда мои критики, — пишет Р. Бультман, — берутся оспаривать правомочность использования категорий хайдеггеровской экзистенциальной философии в моей интерпретации Нового Завета, то, боюсь, они закрывают глаза на реально существующую проблему. Мне кажется, следует скорее проявить озабоченность тем, что философия в результате собственных усилий сумела разглядеть действительное содержание Нового Завета» (Бультман, 2004а, 231). Согласно Р. Бультману, керигма призывает слушателя к вере, делая его способным понять свою жизнь как данность; человек, осознающий, что он является адресатом керигмы, теряет зависимость от гарантий мирской надежности и безопасности и становится способным жить независимо от наличного, оживая в вере и получая, таким образом, настоящую свободу (Бультман, 2004b, 20–22).

Исходя из того, что Р. Бультман ассоциирует керигму с призывом к новому самопониманию человека, в его адрес звучит критика со стороны сторонников протестантской ортодоксии — в том, что он сводит теологию к антропологии. К примеру, К. Барт пишет об этом следующее: «подразумевается определенное понимание самопонимания человека, согласно которому в таком самопонимании всегда идет речь об *антагонизме* подлинности и неподлинности, готовности и неготовности, прошлого и будущего. Значит, и в Новом Завете речь идет об *антропологии* — точнее, об *определенным образом структурированной антропологии!*» [Барт, 2004, 688]. С позиции такого рода критики, Р. Бультман сводит библейские и теологические высказывания к тому, что они выражают всего лишь внутренние процессы человеческого существования. Сам Р. Бультман, отвечая на такого рода критику, отмечает, что он, используя термин «самопонимание», говорит не только и не столько о человеческом сознании, сколько об экзистенциальном самопонимании, которое является органической частью гносеологии мыслителя. Перцепция или знание имеют для него значимость

лишь в том случае, если они что-либо значат для человеческой жизни, если присутствует связь с жизненной практикой (Bultmann, 1952, 201). Предположение об истинности чего-либо не заключает в себе подлинного понимания, которое имеет место лишь в действии, делая что-то частью человеческого самопонимания, имея живое жизненное отношение к чему-либо. Таким образом, для того, чтобы понять текст, необходимо понять, какие возможности человеческой экзистенции открываются этим текстом. Например, библейский текст предлагает определенное миропонимание, определенный взгляд на мир, Бога и самого себя. Целью понимания не является просто знание того, что говорит библейский текст, и предположение, что это действительно так, но понимание возможностей человеческой жизни, которые вытекают из этого знания, и либо принятие этого понимания человеческого существования и жизнь в соответствии с ним, либо его отвержение. Для Р. Бульмана Бог, обращаясь к человеку, действует «здесь и сейчас» в настоящий момент времени. Вера в таком понимании становится тождественной подлинному существованию, то есть жизнью из будущего. Вера, выражаясь в отказе от самобезопасности и в готовности обрести эту безопасность в сфере трансцендентного, никогда не дана человеку как данность, но всегда как возможность, именно поэтому Р. Бульман никогда не описывает веру с точки зрения логики ее функционирования, но всегда акцентирует внимание на ее открытости будущему, в чем непосредственно проявляется реальность обретаемой в вере свободы. «Р. Бульман рассматривает христианскую свободу как свободу от ложного самопонимания, от себя и от прошлого. Однако общим для всех этих положений является свобода от мира, или, как ее называет Р. Бульман, размирщение (*Entweltlichung*). Вышеупомянутые первые два определения можно понять через последнее, когда свобода веры оказывается свободой от сделанного, от предопределяющего и от наличного» [Ворохобов, 2018, 336].

Другой возможностью для реализации человеческой экзистенции является ложное самопонимание, то есть поиск жизни в мире из того, что в нем наличествует, а не из будущего и не от Бога. Это решение между верой и неверием, подлинным или неподлинным существованием является центром теологии Р. Бульмана, а все ее остальные аспекты являются производными из этой установки. По справедливому замечанию О. Байера, этот основополагающий принцип бульмановой теологии является не чем иным, как рецепцией кантовой диастазы между наличным и должным. Для Р. Бульмана наличным является все то, «что может быть испытано в пространстве, во времени и в комбинации идеи и концепта (*Anschauung und Begriff*), и схвачено в своей объективности. В то время как должное принадлежит иному измерению, которое не является причиной обусловленной природой, но пространством свободы, так как она осознается через категорический закон» [Bayer, 1994, 476]. Как пространство того, что детерминируется естественными законами и каузальностью, свобода возможна лишь в тот момент, когда человек имеет возможность принимать решение. Р. Бульман соглашается с С. Кьеркегором (который здесь зависим от И. Канта), что подлинное существование возможно лишь в настоящий момент. Таким образом, Р. Бульман разделяет природное и историческое (историческое как свободное решение здесь и сейчас) и помещает их в диалектическое отношение: человек, с одной стороны, живет в мире и, таким образом, починается каузальной детерминированности, а с другой стороны, он автономен и обладает способностью свободы принятия решений. Таким образом, отношения Бога и человека сводятся преимущественно к сфере свободы, которая, в свою очередь, исключает мир природы. То есть для теологического мышления Р. Бульмана человек — это изолированный индивид с личными отношениями с Богом. Мир как творение, как творение падшее и спасенное, в этой системе отсутствуют, а наличествует грешный подлежащий суду человек и оправдывающий его Бог. В отличие от протестантской ортодоксии, где человек рассматривается в связи с миром и другими людьми, как разделяющими его бедственное положение, у Р. Бульмана очевиден индивидуалистический крен, связанный с установками экзистенциальной философии. Как отмечает П. Рикёр, в лице Р. Бульмана

«протестантская теология сумела принять за основу „личностные“ отношения типа „Я“ — „Ты“ и на этой основе разработать теоцентрический персонализм, чтобы избежать трудностей, испытываемых католической „теологией природы“, взятой в качестве ипостаси космологии» [Рикёр, 2002, 480].

Р. Бультман интерпретирует библейские тексты, относясь к ним как к заслуживающим доверия индивидуально-историческим документам, сформированным в различных социальных слоях и традициях. Он не пытается гармонизировать тексты различных новозаветных авторов в соответствии с определенными догматическими взглядами. Для того чтобы найти объединяющий принцип для этих различных произведений, он рассматривает развитие христианской мысли в первые 150 лет существования христианства. В результате он воспринимает Новый Завет как конгломерат различных размышлений о христианской керигме. Этот взгляд на Новый Завет отражен в его «Богословии Нового Завета», где теолог различает керигму первоначальной еврейско-христианской общины от эллинистического христианства, от богословия апостола Павла, богословия апостола Иоанна и растущей ранней Церкви.

Согласно Р. Бультману, христианская керигма была отражена в Новом Завете его авторами по-разному. На первом этапе развития христианства оно находилось под сильным влиянием иудейской традиции, но постепенно стало воспринимать эллинистические паттерны и тем самым становиться все более независимым от иудейских. При этом оба типа мышления находились под сильным влиянием мифологических и метафизических спекуляций соответствующих им культур, в частности еврейского апокалиптицизма и гностического сотериологического мифа. Апостолы Павел и Иоанн были двумя великими богословами, которые, как предполагает Р. Бультман, демифологизировали керигму, то есть пытались представить ее чистой и без оболочки современного им мифологического мышления. Первым исторически является апостол Павел, которого Р. Бультман считает реальным основателем христианского богословия. С одной стороны, ап. Павел отказывается от еврейской традиции, относящейся к учению о земном Иисусе: он видит Иисуса исключительно как Христа и, таким образом, в богословии ап. Павла Иисус понимается только в сотериологических категориях (Bultmann, 1954, 35–94). С другой стороны, богословие ап. Павла, в отличие от эллинистических построений, является не спекулятивно-метафизической системой, но синтезом иудейского и эллинистического мышления. По мнению Р. Бульмана, «Павлова теология — это не спекулятивная система. Она рассматривает Бога не в самой его сущности, а только постольку, поскольку Он значим для человека, его ответственности и его спасения. Соответственно, она не рассматривает мир и человека, как они есть в себе, но видит мир и человека всегда в их отношении к Богу. Каждое утверждение о Боге есть одновременно утверждение о человеке, и наоборот. По этой причине и в этом смысле *теология Павла является одновременно и антропологией*» (Бультман, 2004с, 60–61). При этом апостол Павел все еще включает в свое богословие некоторые мифологические элементы, такие как иудейское учение о физическом воскресении мертвых и о парусии Христа, занимающие важное место в его творчестве. Если апостол Павел все еще не может до конца освободиться от иудейской мифологии, то автор Евангелия от Иоанна делает это более решительно, отказываясь от мифологической терминологии и последовательно переосмысляя различные мифологические идеи, связанные, в первую очередь, с апокалиптикой, историей спасения и развитым космологическим метафизическим дуализмом (Bultmann, 1954, 357–366).

Дальнейшее развитие богословского подхода апп. Павла и Иоанна нашло свое завершение тогда, когда перед раннехристианской Церковью возникли новые задачи. Христианская вера должна была быть приведена в такое состояние и форму, которые сделали бы ее доступной для широких народных масс, ее принимающих. Но, в некотором роде, это было и шагом назад в сравнении с богословием, которое имело дело с изначальной керигмой в текстах апп. Павла и Иоанна. Важнейшие элементы их мысли, однако, были сохранены, и таким образом был осуществлен синтез

богословия апп. Павла и Иоанна с потребностями растущей Церкви, которая должна была приспосабливаться к постоянно меняющимся обстоятельствам.

Бульманов подход к Новому Завету является важным видоизменением ориентированных на историзм и позитивизм проектов XIX — начала XX в. Примкнув в 20-е годы к неоортодоксальному направлению, Р. Бульман, также как и другие неоортодоксы, был озабочен вопросом о том, как акцентировать инаковость Слова Божия в сравнении с человеческими мыслями и словами. В отличие от других представителей ранней неоортодоксии, Р. Бульман пришел к экзистенциальной методологии толкования Нового Завета, когда целью теологии как таковой для него стало не изложение учения о Боге Самом в Себе, но говорение о Нем необъективно, то есть с точки зрения человеческого самопонимания. В связи с этим Р. Бульман считал необходимым указать, что мысль о том, что человеческое Dasein может стать предметом анализа, сама по себе относится к категории экзистенциальных решений и базируется «на экзистенциальном понимании того, что мы не можем свободно пользоваться идеей Бога, конструируя теорию человеческого существования. Это суждение указывает на идею абсолютной свободы независимо от того, принимается ли эта идея как истина, или отвергается как абсурд... исключение из рассмотрения отношений человека с Богом выражает мое личное знание о самом себе, признание того, что я не мог найти Бога, глядя на себя или в себя. На этом исключении основана нейтральность экзистенциалистского анализа» (Бульман, 2004а, 235). Встреча человека и Бога осуществляется через керигму, которая является объединяющим принципом развития новозаветного богословия и, таким образом, и местом сопряжения Божественного и человеческого в настоящее время. Керигма у Р. Бульмана — это вневременный смысл Нового Завета, который, однако, должен быть истолкован каждым грядущим поколением верующих [Рикёр, 2002, 466].

Такое понимание действительно является важным отходом от историзма и позитивизма, поскольку теперь Новый Завет есть не только источник для исследования истории раннего христианства или свидетельство о религиозных чувствах ранних христиан, но Священное Писание в подлинном смысле этого слова, которому есть что сказать для представления себя Церкви и человечеству. Как уже упоминалось, керигма, по мнению Р. Бульмана, — это в основе своей призыв к подлинному существованию, находящий свое конкретное позитивное выражение в принятии жизни как данности. Это открывает принципиально новые возможности для отказа от зависимости, ориентированной на мирскую безопасность из наличного и для жизни независимо от наличного, что, по сути, и есть настоящая свобода.

Используя такую герменевтику в качестве ключа для толкования священного текста, Р. Бульман должен рассматриваться в рамках протестантской традиции экзегезы. До эпохи Просвещения экзегеза осуществлялась с богословской точки зрения, будучи отправной точкой, обеспечивавшей герменевтический ключ для интерпретации. Лютер и Меланхтон, к примеру, отвергая принцип критики применительно к Писанию [Ворохобов, 2015, 8], рассматривали учение о законе и Евангелии как надлежащий метод толкования Библии. Они видели в этом конкретном учении внутренний смысл Писания, а потому фикционал, который может усвоить себе толкователь. Кроме того, отталкиваясь от этого внутреннего смысла сакрального текста, экзегет получал возможность критиковать отрывки Библии, которые противоречат этому внутреннему смыслу [Арапов, 2013, 16–20]. Во время Просвещения и в традиции либеральной теологии XIX в. протестантские герменевты стали обращать внимание более на генезис библейских текстов, нежели на их внутренний смысл. Текст, как казалось, может быть адекватно объяснен исходя из того, насколько правильно поняты обстоятельства его создания. Истолкованный таким образом текст может означать нечто большее, чем он предполагал изначально, становясь свидетельством о нравственных и метафизических истинах, доступных человеческому разуму. Экзегет здесь — «человек, знающий правила герменевтического искусства и воссоздающий текст на новом уровне; это искусство сл постоянно расширяющимся пространством, но проникнутое

философским мышлением» [Апаева, 2013, 61]. При таком подходе нивелируется мысль о том, что некоторые идеи Писания могут противоречить естественному разуму.

Р. Бультман разработал синтезирующую концепцию этих двух основных предшествующих подходов к библейскому тексту. С одной стороны, он принимает историко-критическую методологию, а с другой стороны, отказывается в этой методологии от всего того, что противоречит его герменевтической концепции, предполагающей радикальное переосмысление мифологической картины мира Нового Завета, для того, чтобы сделать новозаветное провозвестие приемлемым для человека XX в. Р. Бультман выявляет внутренний смысл новозаветных текстов (керигму) и, таким образом, делает миф понятным для современного человека. Сам мыслитель подчеркивает, что он не отказывается от мифологического языка Нового Завета, но лишь переосмысливает его. При этом остается открытым вопрос о том, переосмысливает ли он мифологический язык таким образом, что керигма остается аутентичной. Интерпретируя и демифологизируя новозаветные тексты, Р. Бультман полагает, что керигму возможно выразить нейтральным языком. Для этого он прибегает к аналогическому пониманию метафоры в том виде, как она восходит к Аристотелю, где метафорический язык рассматривается как риторические фигуры и тропы, которые могут быть переведены на нетропический язык без потери смысла. Р. Бультман подобным образом сводит предмет теологии к отдельно взятому человеку и Богу, сужая весь смысл библейского языка до призыва к экзистенциальному решению перед Богом, который может быть выражен нейтральным языком. Он предполагает, что смысл текста может быть отделен от его фактического языка и что можно взять понятия, содержащиеся в тексте, и интерпретировать их экзистенциальным образом, применяя уже в прямом смысле. П. Рикёр, критикуя позицию Р. Бультмана, указывает на то, что значение текста недоступно вне языка этого текста, который является носителем смысла [Рикёр, 2002, 485–486]. Поэтому «нет коротких путей для соединения нейтральной экзистенциальной антропологии, как ее понимает философия, с экзистенциальной решимостью перед лицом Бога, о которой говорит Библия. Существует лишь один — долгий путь, ведущий к решению вопроса о бытии и принадлежности говорения бытию» [Рикёр, 2002, 487].

Для Р. Бультмана Слово Божие — это керигма по преимуществу, призыв к экзистенциальному решению между верой и неверием. Керигма присутствует в человеческом слове, а не стоит за ним. Адекватное усвоение керигмы, в соответствии с бультмановой программой демифологизации и экзистенциальной интерпретации новозаветного провозвестия, предполагает то, что учитывается неизбежность наличия у авторов священных библейских текстов предпонимания, связанного с жизнью в определенном историческом и культурном контекстах. Герменевтическая процедура предполагает при этом не только то, что у авторов Нового Завета было такого рода предпонимание, но и то, что они сами, в процессе рецепции, привносили в воспринятые готовые формы в связи со своим предпониманием и в свете керигмы. Применяя для конституирования герменевтики методологию экзистенциальной философии, Р. Бультман делает осмысление феномена предпонимания неотъемлемой частью своей герменевтической и экзегетической программ. Исходя из мысли об эволюционном развитии новозаветных текстов, мыслитель выстраивает логическую цепочку преемственности, которая предполагает все большее и большее отмежевание от мифологического языка и сюжетов к их прояснению и наполнению христианскими керигматическими смыслами. Такой подход делает теоретически возможным встраивание собственного герменевтического проекта Р. Бультмана в русло исторической христианской герменевтики и его легитимизацию.

Источники и литература

Источники

1. Бультман (2004а) — *Бультман Р. Иисус Христос и мифология // Бультман Р. Избранное: Вера и понимание. Том I–II / Пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 211–259.*
2. Бультман (2004б) — *Бультман Р. Новый Завет и мифология. Проблема демифологизации новозаветного провозвестия // Бультман Р. Избранное: Вера и понимание. Том I–II / Пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 7–41.*
3. Бультман (2004с) — *Бультман Р. Теология апостола Павла // Бультман Р. Избранное: Вера и понимание. Том I–II / Пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 58–187.*
4. Bultmann (1986) — *Bultmann R. Das Evangelium des Johannes. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1986. 567 S.*
5. Bultmann (1961) — *Bultmann R. Glauben und Verstehen. Gesammelte Aufsätze. Zweite unveränderte Auflage. Tübingen: Verlag J. C. B. Mohr (Paul Siebeck). 1961. Bd. II. 293 S.*
6. Bultmann (1952) — *Bultmann R. Kerygma und Mythos. Hamburg-Bergstedt: Reich, 1952. Bd. II. 211 S.*
7. Bultmann (1954) — *Bultmann R. Theologie des Neuen Testaments, Tübingen (Mohr-Siebeck), 1954. 603 S.*

Литература

8. Апаева (2013) — *Апаева А. Ю. История герменевтики от Шлейермахера до Гадамера // Вестник РГГУ. 2013. № 11 (112). С. 60–71.*
9. Арапов (2013) — *Арапов А. В. Герменевтика Реформации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3–1 (29). С. 16–20.*
10. Барт (2004) — *Барт К. Рудольф Бультман: попытка его понять // Бультман Р. Избранное: Вера и понимание. Том I–II / Пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 663–702.*
11. Вороховов (2009) — *Вороховов А. В. Религиозно-философские взгляды Карла Барта и Рудольфа Бульмана: сравнительный анализ. Дисс. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2009. 222 с.*
12. Вороховов (2015) — *Вороховов А. В. Спиритуальная герменевтическая концепция библейских текстов в западном протестантизме // Труды Нижегородской духовной семинарии. Нижний Новгород, 2015. № 13. С. 7–30.*
13. Вороховов (2018) — *Вороховов А. В. Эволюция протестантской антропологии в философско-религиозном наследии неоортодоксии. Дисс. ... докт. филос. наук. Нижний Новгород, 2018. 520 с.*
14. Реати (2001) — *Реати Ф. Э. Религия, как освобождающая сила в философии XX века. СПб.: Европейский дом, 2001. 93 с.*
15. Рикёр (2002) — *Рикёр П. Конфликт Интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., Канон-Прес-Ц, 2002. С. 480. 622 с.*
16. Тиссельтон (2011) — *Тиссельтон Э. Герменевтика. Чебоксары: Коллоквиум, 2011. 432 с.*
17. Bayer (1994) — *Bayer O. Theologie. Handbuch Systematischer Theologie. Gütersloh, (Gütersloher Verlagshaus), 1994. Bd. 1. 547 S.*